

*Память — это единственный рай,
откуда никто нас не может изгнать.*

Жан Поль Рихтер

ЧУГУННЫЕ ЛЯГУШКИ

На встрече с читателями меня спросили:

— Как случилось, что вы стали писателем?

Тот из пишущих, кто сможет ответить на этот вопрос, по моему убеждению, сможет открыть и секреты вечного двигателя... У каждого, кто над этим задумывался, есть, очевидно, свой ответ. Но все ответы будут неточными. Кто-то упал с дерева, кого-то в темечко поцеловал сам Господь Бог... Не испытав ни того, ни другого, мне остаётся только уповать на чугунных лягушек. Они сидели по кругу в фонтане нашего тульского двора, извергая тонкие серебристые струи холодной воды на лежащего в центре позеленевшего от времени огромного (так мне казалось) крокодила, готового в любой момент выпрыгнуть из водоёма и вцепиться зубами в глазающего на него мальчугана. Мне было два с половиной года. Это первое, что я помню из моего детства. После бабушкиных сказок чугунные лягушки представлялись

живыми существами. Тень, сырость и журчащие стрелы воды, которые по детской наивности я пытался взять в руки, усугубляли это ощущение. Я знал, что лягушки — заколдованные царевны, которых я должен освободить от колдовских чар жестокого крокодила и вернуть им человеческое обличье. Лягушек мне до слёз было жалко, а чугунному крокодилу, сколь я его палкой ни бил, ничего не делалось.

Так и не став взрослым, я занимаюсь этим до сих пор.

НОЖ В СТОЛЕШНИЦЕ

Мама рассказывала... В самом начале войны немцы забросили в Тулу финских диверсантов с целью уничтожить ведущих специалистов оборонных заводов. У них были фамилии и адреса жертв, в числе которых значился и мой родитель. Застать отца дома было почти невозможно, но они точно знали, когда он приходит домой на недолгий отдых. В тот вечер отец, вернувшись с работы, взял хлебные карточки и вышел в магазин. Мама решила выкупать меня, посадила в корыто с водой. В это время в дверь вошёл человек, в руках которого мама заметила нож (очевидно, финский).

— Где муж?

— Как где? — мама пыталась быть спокойной. — Где и все... на фронте.

Белофинн оглядел комнату и, озлобленный, метнул нож в столешницу. Я заплакал. Финн ушёл.

В этот момент вернулся отец. Нож (так говорила мама), вонзённый в стол, всё ещё колебался. Эта дрожащая на столе рукоять преследовала маму всю её жизнь...

Не знаю, партийный отец мой верил ли в Ангела Хранителя? Но Ангел Хранитель в него верил!

ПОД МОСТОМ

В это трудно поверить. Но не верить маме, не единожды рассказывавшей мне эту историю, я не могу. Немцы наступали на Тулу. Их передовые части приближались к Ясной Поляне. Оборонные заводы эвакуировались на Урал. В первую очередь отправляли оборудование, затем — людей. Многие ещё оставались в Туле и пытались пробираться на восток собственными силами. Отец должен был уехать вместе с оборудованием, но не мог оставить город и ушёл воевать в народное ополчение (за что он потом поплатился, но это отдельная история).

Была осень. Выпал первый снег. Наскоро погрузив в санки детей и свой невеликий скарб (главное — чугунок, единственное богатство), мама присоединилась к веренице таких же “тягловых” женщин. Снег подтапливал, поэтому приходилось тащить санки почти по земле. Мама выбивалась из сил. Моя сестрёнка шла рядом с санками, но меня снять с них они не могли. Я плакал и сопротивлялся. За городом, куда они, наконец, выбрались, низко пролетали немецкие самолёты, пугая пулемётными очередями несчастных женщин.

Окончательно потеряв силы в борьбе с ненастьем и моими капризами, мама оставила осёдланные мною санки под мостом, и они с сестрёнкой продолжили свой путь, обливаясь слезами. Я орал под мостом. Метров через двести они остановились. Дальше идти сил не было. Мама пыталась вернуться за мною, но ноги её не слушались. Но и оставить ребёнка под мостом она не смогла... Каким-то чудесным образом мы всё-таки продолжили путь вместе.

Когда я рассказал эту историю Роберту Рождественскому, он сказал:

— Напиши об этом стихи. Представляешь, ты орёшь из-под моста на весь мир!

Стихов я так и не написал. Стихи никого не делают разумнее. Сколько детей орёт на весь мир из-под руин сегодняшних войн! Их никто не слышит.

ТОПОЛЬ ПАМЯТИ

В тридцатые годы в Туле хоронили моего деда по матери Сергея Дедова. Моя мама шла за гробом своего отца со сломанной тополиной веточкой в руке. Когда над могилой насыпали холмик, она воткнула эту веточку в землю. Через несколько лет здесь вырос высокий пирамидальный тополь, по которому наши родственники, которых уже нет в живых, легко находили место последнего приюта деда. Зная об этом, я в девяностые годы прошлого века пытался отыскать это место. Недалёко от храма, где шла служба (храм никогда не открывался), я отыскал несколько могил тридцатых годов. Над одной из них во всю ширину разорванной стволом оградки стоял высоченный тополь. Ни креста, ни звезды. В кладбищенской конторе мне сказали, что все архивы сгорели во время войны, поэтому, кто там похоронен, никто не знает. Только мамина веточка тополя позволила мне склонить голову над безвестной могилой деда.

МОЙ “ВКЛАД” В ПОБЕДУ

Удивительное дело: память о войне пронизана голосом Левитана. “От Советского информбюро...” И шло перечисление количества сбитых самолётов, уничтоженных танков и артиллерийских орудий.

Под окнами нашего двухэтажного дома с песнями проходили колонны пленных немцев. Не думаю, что песни им нравились, но пели они громко. Вместо сапог на их ногах были деревянные колодки. Цоканье этой обуви об округлые камни шоссеиной дороги придавало песням ритм и необычное сопровождение. Рядом в потёртых кирзовых сапогах шли наши солдаты с винтовками наперевес, за ними брели худые овчарки.

Торец дома, где было окно моей комнаты, как раз выходил на эту шоссеиную дорогу. Набрав полный таз снега и приготовив несколько увесистых комков, я слушал приближающуюся песню, по которой определял местонахождение моего неприятеля. Сердце моё колотилось, как у партизана, сидящего в засаде. Когда в песне были чётко различимы слова, я знал, что колонна проходит под моим окном. Наша квартира была на верхнем этаже. Я быстро, открыв форточку, прицельно бросал свою “бомбу” в колонну неприятеля с таким расчётом, чтобы не попасть в своих. Пока моя “бомба” была в полёте, я ловко закрывал форточку, отчего враги мои, поднимая головы, не могли понять, откуда на них нисходит это “возмездие”. Я чувствовал свою причастность к Великой войне, хотя интуитивно понимал, что лежачих бить — дело не очень пристойное.

Помню сообщение о Победе, доносящееся из чёрной бумажной тарелки нашего репродуктора. Тогда я впервые увидел счастливых людей. До этого я не знал, что люди могут улыбаться и плакать от счастья.

ДЕЗЕРТИР С ТРУДОВОГО ФРОНТА

Отец должен был эвакуироваться вместе с заводским оборудованием в тыл, на Южный Урал. Немцы были рядом с Тулой, в толстовской Ясной Поляне. Отец вступил в народное ополчение и отправился защищать свой город. Когда стало ясно, что немцам Тулы не взять (Тулу не брал ни один недруг за всю её историю), он отправился в тыл, в город Златоуст. Поскольку он опоздал, его арестовали как дезертира с трудового фронта. Благо, что не расстреляли, а отправили в лагерь. Не в пионерский. Таких дезертиров оказалось несколько. Поскольку инженеров не хватало, их как преступников, которые недавно рисковали жизнью во благо Отечества, выпустили на свободу, если так можно было назвать каторжный труд на Златоустовском оборонном заводе.

После войны отца наградили медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне”. На его груди медали я не видел. Отец никогда не надевал её.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Красную площадь я впервые увидел после Победы. Её изображение появилось, чётко не помню, или на облигациях, или на денежных купюрах после реформы. Сердце колотилось так, будто я совершал настоящее путешествие в неведомый и недоступный мне мир. Может, поэтому, когда я через десять лет стоял на Красной площади, восторгу моему не было предела... Так мы любили свою страну!

Теперь я понимаю, что именно от такой Любви мы и войну выиграли.

СВЯТАЯ ЛОЖЬ

Ощущение голода было привычным. От этого я не страдал. Другого состояния, очевидно, не помнил. Когда отец, отбыв положенный ему за “дезертирство” срок, пришёл домой, прежде чем броситься в объятия матери, он сгреб со стола оставленные нами хлебные крошки и лихорадочно их проглотил. Только после этого он обнял всех нас.

Хлебные крошки на столе — это роскошь, которую мы могли себе позволить, так как мама, чтобы как-то прокормить нас с сестрой, устроилась работать в заводскую столовую, откуда она, под страхом смерти, приносила эти крошки и очистки от картошки.

Война не только пулями выбивает человека из человека, но и такими вот испытаниями.

Однажды я приволок домой череп лошади, но, к моему горькому сожалению, мне объяснили, что его уже кто-то варил...

Осенью на поле подсобного хозяйства завода после уборки капусты оставались кочерыжки и зелёные листья. Мы их собирали и заготавливали на зиму. Я эти листья наотрез отказывался есть. В детском саду, куда меня отводили, были щи из такой же капусты, которые я так же напрочь отвергал. Августа Владимировна — моя воспитательница — садилась со мною рядом на крохотный стул и рассказывала всяческие байки о вкусной еде, чем усыпляла мою бдительность, и я, давясь, проглатывал это зелье. Но есть варёный лук она меня так и не научила, о чём я уже взрослым с детской наивностью говорил моей мамушке, когда речь заходила о каких-нибудь витаминах. Мама только улыбалась, пока однажды не поведала мне о том, что всю мою жизнь, зная моё отвращение к варённому луку, незаметно добавляла его в пищу, предварительно пропустив через мясорубку. Не видя плавающего в супе лука и не подозревая такого подвоха, я, оказывается, всё моё детство ел ненавистный мне варёный лук благодаря находчивости моей мамушки. Она меня обманывала. Но это был единственный случай, когда она лгала. Святая ложь.

Мои друзья удивляются, почему я мало ем. Это привычка. И боязнь варёного лука!

ГЛАВНОЕ — НЕ СМОТРЕТЬ ВНИЗ!

Кружок акробатики завораживал непонятностью своего названия. Но уверенность и могучие бицепсы Петра Ивановича Медведева, который набирал ребят для занятий, вселяли в хилых послевоенных пацанов такую зависть и такое уважение, что не посещать его занятия было невозможно. Отжимаясь от пола по несколько десятков раз, мы вскоре научились ходить на руках. В первые дни проходили по три метра, через неделю — по пять, через месяц — по десять. Через год многие из нас так же уверенно ходили на руках, как и на ногах. Но оказалось, этого недостаточно, чтобы стать мужчиной. Кружок готовил цирковых артистов, а работа под куполом требует отваги, и немалой.

Потому в один из солнечных, а главное, безветренных дней, что, как потом выяснилось, было немаловажным, Пётр Иванович повёл нас на Косотур — высокую отвесную гору в самом центре города. От высоты захваты-

вало дух. Дома казались крохотными, а проходящий внизу трамвай — игрушечным.

— Главное — говорил нам Пётр Иванович, — не надо смотреть вниз. Ничего страшного!..

Он подошёл к краю обрыва и, обтерев потные руки о широкие, совсем не спортивные штаны, спокойно положил ладони на самый обрез скалы и... сделал стойку. Мы замерли, боясь пошевелиться. Казалось, скажи мы хоть слово, и оно столкнёт нашего безумного руководителя в пропасть. Постояв с минуту (нам это показалось вечностью) над пропастью, он опустился на ноги и, улыбаясь, предложил нам, по желанию, повторить его трюк. Охотников нашлось мало, но если один из нас на что-то решался, то мальчишеская гордость не позволяла другим выказывать свою трусость. Я решился. Пётр Иванович, упёршись ногами в ложбинку, выбитую в скале дождями и ветром, страховал на случай, если у меня закружится голова.

— Главное, — повторял он, — не смотри вниз. Ничего страшного!

Ему-то, может, и не страшно, а каково мне? Но вера в его могучие руки и авторитет была абсолютной, мы, зная, что ничего с нами не случится, вершили на вершине маленькие подвиги, побеждая страх и самих себя!

Теперь, когда прожита долгая жизнь, я понял, что стойка над пропастью — это моё рабочее состояние. Только в случае неудачи никто не подстрахует. Главное — не смотреть вниз!

ЧУДИЩЕ СТРАХА

После получения диплома я стоял перед доской с информацией о распределении. Через затылки стоящих передо мною сотоварищей по институту едва различил против своей фамилии: Тувинская автономная область. Понял, что это где-то очень далеко, и, приняв это как само собой разумеющееся, отправился в библиотеку на поиск русско-тувинского словаря, поскольку понимал, что незнание хотя бы самых элементарных оборотов языка народа, к которому ты едешь, по меньшей мере бессовестно. Было любопытно наблюдать (сам сделал то же самое), как мои друзья, только что получившие дипломы, с каким-то остервенением просверливают дырки в лацканах своих пиджаков для пахнущих свежим металлом значков-ромбов, свидетельствующих о высшем образовании. Без такого значка ты вроде как и не инженер. Распределение — это лотерея: кто-то выигрывал, кто-то нет, но для нас всегда главным было участие. Мы разъехались в разные концы страны, которая тогда ещё заботилась о своих питомцах.

Отправился в путь и я, захватив с собою всё нажитое к тому времени имущество: небольшой рюкзак и охотничье ружьё. В Кызыле, куда прибыл, мне нашли место инженера в отдалённом таёжном совхозе. Я ехал с большой радостью, так как узнал, что там много русских староверов и охотников, и свои “знания” тувинского языка можно будет до времени оставить при себе.

В совхозе новых специалистов не ждали. Свободного жилья не было, и директор отправил меня на “подселение” к одинокой пожилой паре, сказав, что это люди добрые и никаких забот там у меня не будет. Я вошёл в дом, где, как в сказке, жили старик со старухой... Здороваясь со мною, они низко поклонились, но тем не менее я уловил хитроватый и в то же время несколько настороженный взгляд хозяина.

— А ружьё-то тебе зачем? — робко спросил он, стараясь меня не обидеть.

— Как зачем? — недоумевал я. — У вас же здесь медведи есть!

Надо было видеть, как они рассмеялись. Старик сквозь слёзы пытался что-то сказать смеющейся старухе, показывая на меня и крутя пальцем у виска: мол, парень-то не в себе...

— Какие медведи? Ты что? — еле выдавил он из себя. — Нет у нас никаких медведей. До медведей километра два идти надо. У нас — нет!..

Холодок пробежал у меня по спине. Если до медведей всего два километра, то где же волки?

— Да и волки в огород нынче не забредали, — прочитав мои мысли, продолжил старик.

Я впервые в жизни почувствовал себе в полной безопасности. Но, на всякий случай зарядив ружьё парой патронов с картечью, положил его под матрац и лёг отдыхать после долгой дороги. Эх, где наша не пропадала!

Телевизора не было, да и хозяева мои едва ли подозревали, что есть такое чудо техники. Зато радио они слушали добросовестно, обсуждая по вечерам всё, что доносилось из старого лампового приёмника. Политика, правда, их трогала мало, но очень увлекали появившиеся в то время сообщения о Лохнесском чудовище. Меня поражало то, что эта сенсация — где-то на другом конце земли, в каком-то озере плавают “динозавр” по имени Несси — для них не была неожиданностью.

— Да у нас этих чудищ сколько угодно, — просвещал меня старик. — Вот тут недалеко есть озеро, к нему никто не подходит. Кое-кто пытался зайти в воду, но стоит только поставить ногу, как это чудище сразу за неё хватает!

У меня разыгралось воображение. Я отковал в совхозной кузнице два больших ножа из обоймы отслуживших своё подшипников и решил побороться с этим тувинским чудовищем. Тогда, видимо в силу моей молодости, но мне жили ещё русские сказки о бибинных богатырях. Сила есть, ума не надо — это про меня. Добыв в конторе совхоза мотоцикл “ИЖ”, поспешил во что бы то ни стало осуществить это героическое предприятие.

— Надо идти пешком. Ты туда не доедешь, — спокойно сказал старик, глядя на мои сборы.

— Это почему же?

— Колёса лопнут.

Я только рассмеялся и, взяв под уздцы моего “железного коня”, помчался на поиски приключений. Село южной стороной примыкало к невысоким горам дикой тайги, а северным краем выходило в степь, где хозяйство имело свои поля, засеянные кукурузой (ох, уж эта кукуруза!) и пшеницей.

Был сентябрь, но очень тепло. До озера — километров тридцать, но этот путь, тянувшийся вдоль скошенных пшеничных полей, казался мне вечностью. Наконец впереди заблестело озеро. Вначале я принял его за мираж. Но когда чётко проявились очертания его берегов, раздался странный хлопок, и мотоцикл мой осел. Лопнуло заднее колесо! А у меня ни клея, ни запасной камеры. Разобротов колесо, я, недолго думая, сплёл толстую “девичью” косу из обмолоченной соломы и, заправив её в покрывку, отправился дальше. Через двести метров — снова хлопок: лопнуло переднее колесо. Операцию с “девичьей” пшеничной косой пришлось повторить. Вспомнились слова деда: “Ты не доедешь!” Но разве такая мелочь остановит?

Озеро оказалось небольшим — метров триста в диаметре. Отчетливо просматривалось дно — метров на пять от берега. Никаких “динозавров” в нём я не увидел. Бросал камни в надежде, что дракон себя обнаружит и вызовет меня на бой, но никаких признаков жизни чудище не проявляло. Человек не суеверный, я решил переплыть озеро — больше для самоутверждения, чем для чистого эксперимента. Проверив на поясе крепление двух тяжёлых ножей (а вдруг!), ступил в воду. И тут же почувствовал, как кто-то тащит меня за ногу, хотя чётко просматривалось дно и никаких живых (кроме меня, чуть живого) существ не было. Я выскочил на берег и долго не решался повторить свой отчаянный поступок. Но отступать тоже не мог. Осторожно опуская ногу в воду, вновь почувствовал резкий рывок, но решил держаться: видно же, что никого нет! Попробовал опустить руку — тот же эффект... Попробовал воду на язык — сплошная соль! И тут я понял, что концентрация соли в воде такова, что она превратилась в тысячи тонких иголок, которые и впиваются в тело, отчего создаётся полное впечатление, что кто-то хватается тебя за ноги.

Я спокойно переплыл озеро и вышел на противоположный берег. Вот этого делать было не надо. То есть выходить-то надо, но лучше бы я не плавал: через минуту тело стало белым от высыхающей соли. Если бы кто-нибудь увидел меня, то наверняка принял за какое-нибудь ожившее гипсовое

чудище. Тело горело, как в адовом огне (об адовом огне я знаю пока только по литературе), и соль никак не хотела покидать моё брненное тело, как я ни тёр себя колочими сухими мочалками из соломы.

Но всё равно чувствовал себя героем: я победил в себе чудище страха! А это, согласитесь, дорогого стоит.

ЧТОБЫ БЫЛ ПОРЯДОК!

Ночью обокрали совхозную кассу. Из сейфа исчезли сорок три тысячи рублей и пистолет “ТТ”. У конторы суетился народ. Стояла милицейская машина. Люди с серьёзными лицами и с папками наперевес деловито ходили между одноэтажной, вросшей в землю конторой и полосатой машиной. Они от чём-то спрашивали любопытствующих и заносили их замутнённые ответы в эти самые папки. Шёл своеобразный опрос свидетелей, которых как таковых не было. Преступление было совершено глубокой ночью, когда все честные люди мирно спали. Но почему не поведать о том, чего ты не видел, если у тебя богатое воображение и обостренное чувство гражданской справедливости?! Следствие и “свидетели” установили, что кража была произведена через отверстие в потолке, где проходила печная труба. Понятно было, что преступники разобрали кирпичную трубу и проникли в бухгалтерию. Вскрыли сейф. Оставалось выяснить, как и зачем они снова собрали трубу и её... побелили!.. С такими преступниками умудрённые следователи ещё не встречались, отчего их лица были серьёзнее и сосредоточеннее обычного.

Метрах в трёхстах от конторы, в поле, раздавались пистолетные выстрелы, на которые никто не обращал внимания. Не подозревая в этом ничего необычного, я решил поинтересоваться, что же там происходит. Подойдя поближе, я увидел: два подростка расстреливают из пистолета пустые консервные банки, надев их на торчавшие колья. То, что пацаны были пьяными, меня не удивило. Но откуда у них оружие? Один из них, тот, у которого был пистолет, покачиваясь, стал целиться в меня. Очевидно, консервные банки ему поднадоели. Сделав вид, что прохожу мимо, я боковым зрением не упускал парня из виду. Охотничий инстинкт подсказывал мне, что не надо встречаться с ним взглядом. Поравнявшись с ним, я ребром ладони резко ударил его чуть ниже подбородка. Пистолет отлетел в сторону. Парень рухнул наземь. Из его пиджака посыпались пачки денег. Со вторым я проделал ту же операцию. Денег из него высыпалось ещё больше. Забрав пистолет и набив деньгами всё, что могло удержать при мне такое богатство, я сгрёб этих незадачливых, невесомых из-за худобы преступников и понёс их через поле к милицейской машине...

Не помню, чтобы следователи сильно удивились моему поступку. Они, скорее, сочли меня за дурака: как можно было отдать им все деньги, не оставив себе хотя бы пару пачек. Но что поделаешь: молодо-зелено!

Во время суда на вопрос, зачем они собрали разобранный ими печь и побелили её, малолетние преступники ответили:

— Чтобы был порядок!

ИЛЛЮЗИЯ ОХОТЫ

Ранняя осенняя ночь. В печи потрескивают осиновые полешки. По стене нервно бегают рваные отсветы огня. Вдруг в раме холодного запотевшего окна проявляется встревоженное лицо тувинской девочки. Она стучит красными, как её пионерский галстук, пальцами по стеклу. Зовёт выйти на улицу.

Девочка тяжело дышит. Похоже, что дорога её утомила. Где-то километрах в тридцати от Бай-Хаака, в степи, умирает её старшая сестра. Шаман обещает её спасти, но кто-то из родственников, не надеясь на магическую силу знахаря, послал юную пионерку в посёлок за настоящим доктором. Рассказав подыхавшему водителю медицинского “рафика” адрес (а скорее всего, указав только направление), куда предстояло ехать, она растворилась в темноте.

Дежурный врач — знакомая женщина — просит сопроводить её в это ночное путешествие. Водитель, хотя и вырос в этом краю, не гарантирует, что сможет отыскать в этой кромешной тьме юрты, о которых рассказала пионерка. Случись что с машиной, не исключено, что придётся отбиваться от волков, а моё ружьё и охотничий опыт будут не лишними.

Дорогу только условно можно было назвать дорогой: несколько часов тряски и провалов в ухабы, от которых, как от воздушных ям, у нас всё внутри холодело. Изредка в свете фар путь пересекал серый клубок перекаченной пыли, отчего я хватался за ружьё, принимая куст за долгожданного зверя. Каждый охотник — немного браконьер. Я знал, что стрелять из-под фар запрещено. Но эти охотничьи инстинкты... В общем, с горем пополам мы отыскали в степи три едва дымящихся юрты.

Нас встретила та же, но уже без галстука, пионерка и повела врача в крайнюю юрту. В свете керосиновой лампы (наш водитель выключил свет, чтобы сэкономить бензин: неизвестно, сколько времени займёт обратный путь) я разглядел лежащую на кошке молодую женщину. Рядом с нею находились родственники, заранее пришедшие проводить её в “нижний мир”... Шаманов не было. Наш врач вытащила шприц... Я ушёл в машину, чтобы не быть причастным к врачебной тайне. Через час из юрты вышли возбуждённые родственники. Проводов не состоялось. Молодой организм, не знавший до этого никаких медицинских препаратов, видимо, так отреагировал на инъекции, что девушка ожила на глазах.

Усадив нашего доктора на тёплый капот двигателя, что находился между водителем и пассажирским сиденьями, наш водитель завёл машину и включил свет. Мы обмерли. Шесть шаманов (по три против каждой фары) с очень серьёзными и сосредоточенными лицами под удары бубнов танцевали неведомый нам танец.

— У них такой ритуал, — первым пришёл в себя водитель, — если они нас приняли, то наша обратная дорога будет прямой и гладкой, если нет, мы никогда отсюда не выберемся...

— Ну, успокоил... — вымолвил я, заряжая на всякий случай ружьё.

— Ружьё держи наготове! — продолжал водитель. — Будет попадаться столько зверья и птиц, сколько ты отродясь не видел. Это, конечно, если мы их не обидели...

Мы тронулись в каком-то забытии. Неизвестно, откуда и как появилась идеально ровная, как взлётная полоса, дорога, отороченная диковинными деревьями. Из-под колёс машины то и дело взлетали тяжёлые серые дробы. Я чётко различал цвет их перьев. Стрелял столько, что ствол стал горячим. Моя охотничья страсть была удовлетворена сполна. Мы вернулись в посёлок. Патронгаш мой был пустым, но ни одного трофея мы так и не взяли! Я никогда столько не промахивался...

Что это было? Охота или её иллюзия? Ответа нет у меня до сего времени. Я трудно поддаюсь гипнозу. Но с той поры к шаманам отношусь с большим уважением.

ТРУБА ТЕБЕ, АДЕНАУЭР!

Это было в другой стране, в середине прошлого века... Федеративная Германия, чтобы сорвать сроки строительства газопровода “Дружба”, который обеспечивал энергией социалистические страны Восточной Европы, отказала Советскому Союзу в поставках труб большого диаметра. Эти трубы наша бывшая страна за золото закупала за границей. Расчёт был простым. Чтобы Советский Союз самостоятельно начал выпуск таких труб, необходимо было потратить несколько лет на проектирование и строительство новых прокатных и электросварочных станков. Это значительно задерживало развитие экономики соцстран. Борьба двух социальных систем была в самом разгаре.

На Челябинском трубопрокатном заводе немедленно был создан штаб для решения этой сложной инженерной задачи. Из Москвы приехал предводитель М. С. Соломенцев, из Киева — сотрудники научно-исследовательского

института имени Патона во главе со своим президентом. Челябинский обком КПСС чуть ли не полным составом “переехал” на завод и курировал эту проблему. По всем расчётам выходило: на освоение нового производства самыми ударными методами необходимо было затратить не менее трёх лет. Для того чтобы сварить трубу диаметром более метра, необходим был лист шириною около четырёх метров. Таких прокатных станков в СССР не было.

Лучшие инженерные умы ломали головы над решением этой государственной задачи. На кону — престиж великой страны. Штаб работал круглосуточно. Сроки работ сжаты до предела. Но трубы нужны были “уже сегодня”, а не через три года... Глядя на очередные горячие научные и инженерные дебаты, проходящий мимо слесарь дядя Паша с детской непосредственностью заметил:

— А чего вы ломаете головы? Зачем нам такой широкий лист, мы же сможем сваривать трубы из наших узких листов, делая два полукорыта.

Всё гениальное просто. Но от простоты этого решения учёные мужи побледнели, потеряв дар речи... Действительно, нужно было только несколько реконструировать прессы и перестроить электросварочные агрегаты на два шва... И это стоило вагоны нашего золота, перетекающего в сейфы Германии. Штаб заработал с новой энергией. Работа не останавливалась ни на секунду. Я с восхищением читал в боевых листках об очередных трудовых подвигах слесарей-сборщиков, электромонтёров, крановщиков, которых за многократное перевыполнение производственных заданий решением администрации завода награждали пачками лезвий для бритвы “Спутник” и парой носков. Был такой дефицит! Но люди работали не за носки и лезвия. Германией был брошен очередной вызов, и они его приняли. Через три месяца стан “1020” был запущен. Это было глубокой ночью. И мой друг Валентин Крючков, сваривший первую трубу, под восторженные возгласы присутствующих написал на ней попавшим под руку осколком мела: “Труба тебе, Аденauer!” Участники этих событий были удостоены правительственных наград и даже Ленинских премий. И дядя Паша, получив пачку бритвенных лезвий и носки, был по-настоящему счастлив!

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

В Челябинск приехал зоопарк, что случалось не так часто. По выходным дням жители спешили туда, чтобы показать своим детям невиданных животных и разного рода зверушек. В один из понедельников ко мне подбегает восторженный слесарь Пастухов и с горящими глазами рассказывает, что он вчера был с сыном в зоопарке и видел, как слон брал у служителя зоопарка буханку хлеба и одним движением отправлял его себе под хобот.

— Разве рот у слона под хоботом? — охлаждая его пыл, спокойно спросил я.

— А где же? — засмеялся он.

— Как где? Под хвостом! — со знанием дела заявил я.

Он рассмеялся моей, как ему показалось, шутке и вышел из каптёрки.

Тем временем я быстро оповестил всех ребят, с кем он мог встретиться в ближайшее время, и попросил их, чтобы на его восторги о слоне все говорили, что рот у слона под хвостом! К обеду бедного посетителя зоопарка подняли на смех, но он продолжал упорствовать (хотя уже не так решительно), что рот у слона под хоботом.

А к концу рабочего дня обессиленный Пастухов уже говорил:

— Ребята, своими глазами видел, как вмиг исчезала буханка, а куда слон заталкивал её, если честно, не помню...

Такова сила общественного мнения.

СТИМУЛ

В Первомайские праздники обычно открывалась весенняя охота. Весь апрель мы предвкушали всю прелесть предстоящего выезда в охотхозяйство, на затянутае весенним туманом озеро, над которым со свистом проносятся

стаи чирков и пилютируют тяжёлые, окольцованные сизым свадебным шейным ободком селезни. Мы с упоением рублили на пыжи ненужные по весне старые валенки и снаряжали патроны, вывешивая на аптечных весах драгоценные граммы пороха и дробы... Особенно вызывали умиление крохотные медные гири и алюминиевые разновесы, которые бережно укладывались в чашечки весов специальным пинцетом. Занятие это обостряло наше древнее охотничье чувство, и мы с трепетом в душе считали последние предпраздничные дни и часы, когда можно будет покинуть проходную завода и вернуться в мир дикой природы...

И вот, наконец, наступило тридцатое апреля. Яркий весенний день. Работа в голову не идёт, все охотники мыслями своими уже в дороге. И вдруг, когда да конца рабочей смены остаётся два часа, ко мне в каптёрку заявляется начальник цеха и говорит, что в стенке ванны для оцинковки труб (а в ванне десятки тонн расплавленного цинка) он обнаружил раковины (очевидно, выгорел углерод). Это была аварийная ситуация, требующая немедленного ремонта, на который уходило обычно не менее двух недель. Прощай, охота! Я не мог покинуть цех, пока не будет устранена опасность "взрыва" расплавленного цинка, но и не ехать на охоту было выше моих сил. Как написал один из моих друзей: "Стало слышно, как у бабки заработали мозги!" Я, вспомнив свою первую специальность совхозного инженера-механика, попросил ребят по начерченному мною эскизу срочно изготовить пару приспособлений для автоматической откачки расплавленного цинка по принципу шнекового зернопогрузчика, какие используются на сельских токах. Обычно цинк вычерпывали из ванны специальным черпаком, как суп из кастрюли, на что уходила не одна смена...

Ребята понимали сложность ситуации. Они тоже были охотниками, поэтому подгонять никого не приходилось. Когда "насосы" были готовы, мы опустили их в ванну и, подставляя изложницы с цинком и увозя их кранами, быстро откачивали жидкий металл, пока не обнажились на стенках ванны злополучные раковины. Дальше нужно было рисковать. Я приказал лить на оставшийся в ванне расплавленный цинк воду до тех пор, пока не образуется твёрдая застывшая корка. Через несколько минут весь цех утонул в густом тумане. Не было видно протянутой руки. Пришедшая к этому времени вечерняя смена работала на остальных участках цеха на ощупь. Благо, что никто почему-то не роптал. Испытав на прочность образовавшуюся корку "льда" на озере расплавленного цинка, я надел валенки (температура всё же была высокая!) и прыгнул на "лёд", прихватив с собою электросварку. Электрод быстро таял, заплывая раковину. Ребята, видя успех моего безумного предприятия, как десантники, высадились на "лёд" этого горячего озера, и через час ванна была готова принять в себя ещё не остывший в изложницах цинк. Так работа, на которую требовалось много дней, была выполнена за три часа. Измотанные от нервного напряжения, но счастливые, что ещё успеваем на утреннюю зорьку, мы сели на мопеды и рванули за город. С тех пор до кончины цеха, которая произошла в шальные девяностые прошлого века, подобные аварии устранялись нашим "революционным" методом, за который, кстати сказать, мы получили солидную премию, как за предложение.

Однажды Виктор Петрович Астафьев мне сказал: "Мы бы ничего с тобой не написали, если бы не были охотниками". Теперь я понимаю, что и моих технических изобретений было бы значительно меньше...

КОГАН

Не скажу точно, как попали из Америки на Урал оборудование и чертежи трубосварочного цеха. Наши умельцы больше по интуиции, чем по знанию языка, собрали стан и запустили его в работу. Этот гигант каждую секунду "выплёвывал" восьмиметровую, оранжевую от высокой температуры трубу на рольганги, которые увозили трубы "в отделку", где их покрывали цинком и нарезали резьбу для соединительных муфт.

Среди немногих инженеров, принимавших участие в пуске цеха, был незаметный не столько по своей природной скромности, сколько из-за худобы Наум Коган. Он был чуть ли не единственным, кто знал английский язык, и потому незаменимым.

Разбирая чертежи, он видел в них то, что можно было бы усовершенствовать, но, не рискуя прослыть выскочкой, об этом не докладывал. Однако после пуска цеха, получившего номер семь, Коган почти в одиночку сконструировал новый, более производительный стан, и, надо отдать должное руководству завода, новый цех был построен в короткие сроки и заработал на естественном оборудовании. Ему присвоили номер восемь. Цех работает по сей день, в отличие от американского, который, потрудившись на славу, превратился в металлолом.

Пуск восьмого цеха отмечался как победа советской инженерной мысли, потому Правительством было принято решение отметить автора идеи Ленинской премией.

Фамилия Когана была единственной. Для деяния такого масштаба людям, оформлявшим документы, одного "гения" показалось мало. По мере прохождения бумаг по инстанциям над фамилией Когана появились имена начальника цеха, главного инженера и, естественно, директора завода.

Когда список претендентов пришёл в Комитет по премиям, комиссия посчитала его несколько длинноватым, вычеркнув нижней фамилию какого-то никому не известного Когана...

Директор завода оказался человеком совестливым и на вручении премии сказал, что этой наградой они обязаны Науму Иосифовичу Когану. Ошибку решено было исправить, и через год Ленинская премия пришла на завод. Но вручали её теперь не автору идеи, а его жене Ирине Фёдоровне. Талантливый инженер до этого дня не дожил.

Вдова, по доброте душевной, диплом и медаль передала мне. Может, почувствовала, что я стану тем, кто может вспомнить эту историю и повествовать её людям. Что и делаю...

НА ЛОДКУ НАДЕЙСЯ, НО САМ НЕ ПЛОШАЙ!

Пляж озера Смолино в воскресные летние дни был полон народу. Редкие беседки, похожие на африканские пальмы, создавали ощущение полного комфорта. О дальних заморских курортах никто и не мечтал. Дети плескались у самого берега. Взрослые, стоя по пояс в воде, играли в волейбол. Далеко почему-то никто не заплывал. Озеро большое. Противоположный берег почти сливался с линией горизонта.

У моих детей был большой, разрисованный под глобус мяч, который я привёз из Москвы, чем он, очевидно, был им особенно дорог. Потому, когда мяч отнесло лёгким ветерком на глубину, Инга попросила меня за ним сплавать. Я не торопясь вошёл в воду и поплыл. Мяч был в тридцати метрах от берега, потому догнать его не стоило большого труда. Но, когда до мяча оставалось менее метра, порыв ветра отогнал "глобус" от меня, и я продолжил свою погоню. Но стоило только протянуть руку, новый порыв ветра относил мяч в сторону. Как будто кто-то невидимый затеял со мною опасную игру, увлекая на середину озера.

Я уже чувствовал усталость, но понимал, что рано или поздно мяч догоню и, используя как спасательный круг, доберусь до берега. Силы меня медленно покидали, а мяч всё не давался в руки. Я понял, что догнать его уже не хватит сил... Я бы мог, быть может, сделать ещё последний отчаянный рывок, но тут увидел, что метрах в двухстах от меня плывут на лодке парень с девушкой.

Я понял, что спасён, и, бросив бессмысленную погоню за мячом, поплыл к лодке. Она остановилась. Силы меня окончательно покинули, когда до лодки оставалось метров пять. Я обрадовался, видя, как вёсла ударяются о воду всё чаще... И вдруг понял, что лодка не приближается, а удаляется с нарастающей скоростью... Я крикнул молодым людям, чтобы они разрешили

мне немного подержаться за борт. Не тут-то было. Меня никто не хотел слышать. Лодка уходила за горизонт...

Я огляделся: берегов не было видно. Только солнце над головой, но за него не поддержишься. Но зато оно — ориентир, я знал, куда плыть. Да, но сил-то уже не было. Я их, может, и приберёг бы, если бы не надеялся на ту лодку...

Но нужно плыть, плыть, плыть — не тонуть же, в конце концов! “На лодку надейся, но сам не плошай”, — мелькнуло у меня в голове, хотя от охватившего меня ужаса сообщался я очень плохо. Так или иначе, я взял, как мне казалось, кратчайшее направление к берегу и поплыл... Пытался лечь на спину, чтобы отдохнуть, но у меня не получалось, я сразу погружался в воду... Интересная и необъяснимая штука: я то терял сознание, то оно ко мне возвращалось. И вот в эти моменты, когда оно возвращалось, я понимал, что плыву и ещё не утонул.

Я уже отчётливо видел большие дома на берегу, хотя на пляже, откуда я “стартовал”, домов не было. Но это не суть важно, главное — я видел берег. И всё же, когда до земли оставалось метров двести, я сдался и, понимая, что до берега не дотянуть, пошёл под воду. Но когда нос мой ещё был над водой, я почувствовал под ногами что-то твёрдое. То ли забитая в дно деревянная свая, то ли топиак или, может, просто мой Ангел Хранитель мне подставил своё плечо. Я не знаю, что это было. Но, стоя на цыпочках на этом спасительном “островке”, через минуту почувствовал, как ко мне возвращаются силы... Качаясь, вышел я на берег около профилактория завода в полукилometре от того места, откуда три часа назад поплыл за мячом и где в горе метались моя жена и дети, решившие, что я утонул.

Воистину, надейся только на себя... Но и береги Ангела Хранителя!

ИГЛА

Мы часто ухитряемся найти проблемы там, где они не существуют. На трубном заводе, в седьмом цехе, где я работал механиком, бригадиром слесарей был Иван Афанасьевич Носов. Бог дал ему великий талант умельца. Когда говорят “уральский кудесник” — это о нём. В самых сложнейших механизмах для него не было секретов. Он слышал работу станков и прокатных станов так, как врач слышит работу сердца, мгновенно определяя любые сбои. О нём рассказывали легенды. Когда в других цехах, имеющих совершенно иное оборудование, случались аварии и ремонтники терялись в догадках, что случилось, всякий раз звали Ивана, и он, никогда доселе не видевший этого оборудования, мгновенно находил и устранял неисправность. Талантливый и безотказный человек.

Случилось так, что я купил жене швейную машину “Подольск”. Марка известная и надёжная. Но жена заявила, что шить машина наотрез отказывается. Будучи инженером-механиком, я только улыбнулся. Швейная машина — не прокатный стан, что там может быть такое, чего бы я не исправил?! Я разобрал всю машину “по косточкам” и собрал заново. Машина не работала. Я повторил ту же операцию. Результат тот же. Я стеснялся обратиться к Ивану за помощью, дабы не быть осмеянным за свою инженерную несостоятельность. Окончательно отчаявшись, я всё же попросил Ивана посмотреть злополучную машину. После работы мы зашли ко мне. Не обнаружив никаких дефектов, Иван, так же, как недавно я, разобрал всю машину и, собрав её заново по всем законам швейного механизма, попробовал прострочить какой-то материал — машина не работала! У Ивана от удивления на лбу выступил холодный пот. Машина по всем признакам должна была работать, но не тут-то было! Три вечера после работы Иван разбирал и собирал машину. Всё бесполезно.

— Нужно спросить Нину, — нерешительно, потерянными голосом сказал Иван. Это была его жена, которая работала в швейном ателье. Обращаться к женщине за советом было для нас занятием постыдным, но что делать?

Нина подошла к машинке и засмеялась:

— Да у вас игла не тем боком вставлена!

Как мы не обратили на это внимание! Мы искали серьёзный дефект, а оказался такой пустяк... На игле был “ручѐк”, где проходила нитка. Повернув иглу, Нина ловко вставила нитку...

Стук работающей машинки казался нам пулемѐтной очередью, которой она “расстреливала” нас — двух посрамлѐнных механиков.

ЭКЗАМЕН

На моѐм дне рождения, как всегда, было много гостей. Я приготовил множество всяких прельщающих запахами напитков, а Тамара Николаевна накрыла богатый по тем временам стол. Среди гостей был мой друг Геннадий Назаров, с которым мы выступали за заводскую команду по лыжному двоеборью: бег пятнадцать километров и прыжки с трамплина. Гости веселились, разливая по бокалам мои “освежающие” напитки, а Геннадий был молчалив: не пил, не ел, сосредоточенный на каких-то своих мыслях...

— Что с тобою? — спросил я его.

— Ты знаешь, — произнёс он, болезненно рассматривая бутылки и закуски на столе, — завтра утром у меня экзамен на заводе. Если не сдам, меня отстранят от работы. Так что извини, пить не могу...

Уговаривать его было бесполезно. Отдав должное его мужеству, я продолжил праздник с гостями, которым не предстояло наутро никаких испытаний, кроме лёгкого похмелья.

Утром, с трудом поднявшись, я пошѐл на завод и вдруг вспомнил, что сегодня мне предстоит принимать экзамен у инженерно-технических работников завода на разрешение передвижения грузов кранами. Это разрешение должен иметь каждый ИТРовец, так как во всех цехах были грузы и краны, без которых работа оказалась бы парализована.

Я направился в экзаменационную комиссию, состоящую из четырёх человек (я был её председателем), и, разложив билеты, стал ждать “жертву”, решившуюся сдавать экзамен первым. Первому всегда делалась скидка за смелость. Каково же было моѐ удивление, когда на пороге появился... Гена Назаров! Он растерянно поздоровался.

— Берите билет, — невозмутимо произнёс я, дабы не выдать тайны нашей дружбы.

Дав какие-то нелепые поручения членам комиссии, я остался один на один со своим другом.

— Мог бы вчера и выпить! — с досадой произнёс я.

— Кто же знал... — тяжело выдохнул он, пряча в карман свою зачѐтную книжку с отличной оценкой.

МАРКЕЛЫЧ

Я не застал Октябрьскую революцию семнадцатого года, потому не могу рассказать, как жилось рабочему классу царской России. Судя по школьным учебникам моего времени, жилось ему несладко, потому и произошла эта самая революция, названная впоследствии переворотом. Зато я могу свидетельствовать, как жилось рабочему классу Урала, поскольку моя рабочая биография начиналась с профессии слесаря на Челябинском трубном заводе. Я пришѐл на завод, уже поработав инженером в Тувинской республике. Оборудование сложное, его необходимо было потрогать собственными руками. Бригада слесарей, в которую я пришѐл, была дружной и профессиональной. Я вписался в неё довольно легко и вскоре стал бригадиром, а следом и механиком цеха. Рабочие приходили к семи часам утра, хотя смена начиналась в восемь. Они открывали свои рабочие тумбочки с инструментом, протирали ветошью каждый гаечный ключ, уверенные, что от каждого поворота их ключа зависит экономика гигантской страны. Возможно, это так и было, не берусь спорить. По окончании смены они бережно, с какой-то

благодарностью укладывали свои инструменты в тумбочки и шли в раздевалку, где отмывали под душем специальной содой свои натруженные и промасленные мышцы. После чего чуть ли не строем шли домой, а точнее, во дворы своих домов, где их уже ожидали более резвые сотоварищи с бутылкой дешёвого вина и костяшками домино, которыми они “закусывали”, резко ударяя ими по отполированной до блеска фанере.

Так проходили месяцы и годы. Будучи человеком молодым, я с неуёмной энергией принялся разрушать привычные стереотипы их размеренной, десятилетиями сложившейся жизни, организуя культпоходы то в кино, то в театр, то в лес... Для них это дело было настолько непривычным, что каждое такое мероприятие становилось событием вселенского масштаба. Так или иначе, но они смирились с причудами их нового начальника. Попривыкнув, стали даже сами проявлять инициативу. Особенно нравились вылазки в лес, где многие из них никогда не были. О том, что рядом лес, они как-то никогда не задумывались. Однажды после такой поездки я спросил Маркельча, который проработал в цехе около тридцати лет, как ему понравилось в лесу? Глаза его загорелись. Он долго и мучительно подыскивал слова для выражения своего состояния:

— Ты знаешь... Ну, знаешь!.. Как в парикмахерской!

Это был предел его восторга. Других запахов, кроме запахов окалина металла, соляной кислоты, цинковой пыли и машинного масла, Маркельч не знал.

ПРАВИЛА ЭТИКЕТА

С приходом к власти Никиты Сергеевича Хрущёва появились первые заграничные забавы. Была объявлена лотерея. Не зная, что это такое и с чем её едят, за лотерейными билетами выстраивались очереди, как в войну за талонами на хлеб. Те, кому не доставались эти цветастые, обещающие призрачное счастье квиточки, возмущались всерьёз и кричали с полным беспартийным негодованием:

— Безобразие! Где справедливость? Опять даёте только коммунистам!

Страсти утихли только после появления таблицы с редкими номерами выигравших билетов. Невыигрышными билетами был усеян весь цех, и их, как после обильного снегопада, гоняли из угла в угол разгулявшиеся по полу сквозняки.

Железный занавес раздвигался медленно, но верно. Появились и первые профсоюзные (а значит, халявные) путёвки за границу. Две путёвки достались моему участку, и я решил поощрить ими самых достойных ребят. Мы с почестями, от которых у всех целую неделю болела голова, проводили их в Париж. Так провозжали и встречали только космонавтов.

С нетерпением я ждал их возвращения, надеясь узнать, наконец, из первых уст, а не из прессы, как в Париже цветут каштаны, как крутится знаменитое колесо Мулен Руж, каковы, на самом деле, музеи знаменитого Лувра, правда ли, что знаменитые скульптуры Майоля и Родена без охраны лежат на зелёных газонах французских улиц.

Когда после трёхнедельного отсутствия наши герои появились в цехе, я бросился к ним навстречу, засыпав их этими вопросами. Они с удивлением посмотрели на меня:

— Какой, на хрен, Лувр? Дождь лил... Мы две недели играли в гостинице в карты!..

Мне ударила в виски кровь, как будто по голове прошлись поленом.

— И что, вы даже по улицам не походили?

— Так мы говорим — дождь же был...

— Вот тебе и Мулен Руж! — сказал я сам себе и решил в следующий раз не проявлять такую пролетарскую благотворительность, а поехать во Францию самому.

Ждать долго не пришлось. Меня, если честно, несколько смущало то, что необходимо было пройти некий инструктаж по правилам поведения советского

человека за границей, дабы не ударить в грязь лицом на глазах всей цивилизованной Европы.

В областном совете профсоюзов этим занималась специальная, внушительных размеров, дама из “бывшего дворянского племени”.

Я вежливо (“Бонжур, мадам!”) поздоровался, чем вызвал у неё одобрительную улыбку.

— Молодой человек, — очень дружелюбно сказал она, — не исключено, что вашу делегацию будет принимать мэр Парижа. Вам необходимо знать определённые правила этикета.

— Вы зря теряете время (это было не очень вежливо), я всё знаю!

— Что вы знаете?

— Что вилку надо держать в левой руке...

— Правильно... — она расплылась в блаженной улыбке.

— А котлету — в правой... — продолжил я, подхватив её интонацию.

Она вспыхнула, но нашла в себе силы указать мне на дверь.

К моему удивлению, в Париж я всё же поехал.

Яркие, красочные витрины слепили глаза. Моим страстным желанием было купить магнитофон. В одной из витрин я увидел предмет моего вожделения и рядом — электроутюг. Я не верил своим глазам: электроутюг и магнитофон стоили совершенно одинаково. Это не укладывалось в голове. У нас электроутюг стоил в сто раз дешевле магнитофона. Решив, что это недоразумение или простая опечатка в ценнике, я решил купить в подарок другу газовую зажигалку. Их у нас в стране тогда не производили. Я заплатил шесть франков и с чувством выполненного долга двинулся дальше. Через несколько шагов я увидел точно такую же зажигалку, которая стоила пять франков. Дело не в деньгах, хотя каждый франк был на учёте, а в принципе! Как же так: одинаковые вещи стоят по-разному!

— Это — рынок!.. — удивляясь моему непониманию, сказал мне мой попутчик.

— Я понимаю, что рынок, — возмущаясь, возражал я, — а где же совесть? Они же совершенно одинаковые.

Я тогда ещё не знал, что Совесть и Рынок, как Гений и Злодейство, — “вещи несовместные”.

Делегацию возглавлял профсоюзный деятель по фамилии Чернуха. Тогда слово это было только фамилией, а не определением искусства, которым впоследствии нас щедро одарила горбачёвская “перестройка”. Это к слову, а занятным было то, что этот самый Чернуха строго-настроено приказал всем членам делегации докладывать ему до двенадцати часов вечера, что все мы уже сладко спим в своих постелях... А сам раньше двух часов ночи в гостиницу никогда не возвращался. Ночной Париж прельщал своими достопримечательностями не только Чернуху. Мой попутчик, прилично говоривший по-французски и хорошо знавший французскую столицу, повёл меня на площадь Пигаль, прославленную на весь мир своими “ночными бабочками”. Эти самые “бабочки”, которых я ранее отродясь не видел, произвели на меня тягостное впечатление. Мне было их жалко. Я готов был жениться на всех сразу, чтобы они не занимались этой унижающей женщину работой. Единственное, что меня охраняло от этого столь опрометчивого поступка, это моральный кодекс строителя коммунизма.

Будучи человеком обязательным, в одиннадцать тридцать вечера я поступал в номер Чернухи, но, не услышав никакой реакции, спустился в вестибюль гостиницы и стал ждать своего нерадивого руководителя. Сотовых телефонов не было, поэтому в гостинице стояли будки для международных телефонных разговоров. Я заказал разговор с Россией, надеясь скоротать время.

Рядом со мною, заказав разговор с Новым Орлеаном, на диван села молодая женщина с красивыми, опущёнными длинными ресницами глазами. Поскольку она поздоровалась первой и, прежде чем сесть, спросила на это разрешение, я посчитал себя обязанным продолжить наше знакомство, дабы скоротать потерянное в ожидании звонков время.

Найдя общий язык (мы одинаково плохо говорили по-немецки), мы стали задавать друг другу незамысловатые вопросы типа: что, где и когда?

Я уяснил, что она учится в Сорбонне, что её родители живут в Новом Орлеане (это с ними она собирается говорить по телефону). Я узнал также, что родилась она в Польше, что мать у неё — коммунистка, а отец — сионист... Может, и наоборот, я не запомнил, хотя это меня развеселило. Её почему-то очень волновало моё происхождение, которое она пыталась прочитать, вглядываясь в мои глаза:

— Американец?

— Но, — говорил я.

— Австриец?

— Нихт! — парировал я.

— Швед?

— Ни за что! — смеялся я.

— Финн?

— Никогда!

Так летело время. Когда же я ей, уставшей от придуманной игры, с присущей советскому человеку гордостью сказал, что я — русский, она не хотела в это верить.

— Почему ты не веришь, что я русский? — пытался я понять её логику.

— Потому, что у тебя костюм хороший!

Это было уже слишком. Я отвернул борт пиджака, показывая ей эмблему златоустовской швейной фабрики, где перед самой поездкой я купил этот костюм.

— Вот, пферда крылатая! — вразумлял я её, смешивая немецкие и русские слова.

Это произвело на неё впечатление. А я стал рассказывать про Урал, про леса, горы и озёра, про рыбалку, охоту. С каждым моим рассказом её глаза становились всё больше.

Я переговорил с Челябинском, она — с Новым Орлеаном. Мои слова о том, что в Сибири по улицам ходят люди, а не медведи, были для неё настоящим открытием. Она проглатывала мои байки, как горячие пельмени, о которых я также не мог не поведать. Автоматически глядя на часы, я потерял уже всякую надежду дождаться Чернуху. Пора было расходиться и нам, но чувствуя, что она не хочет расставаться, я предложил ей поменяться адресами, чтобы мы могли продолжить наше общение. Визитки не было. Я старательно, чтобы можно было прочитать каждую букву, вывел каллиграфическим почерком: “СССР. Город Челябинск, улица Гайдарина, дом № 58-А. СКВОРЦОВ КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ”.

Выврав из своей записной книжки страницу с адресом, я вручил её моей новой знакомой. Получив от неё такой же клочок бумаги, я бережно положил его во внутренний карман пиджака, пытаясь этим подчеркнуть, что этот документ мне особенно дорог. Мы разошлись, почему-то не пожелав друг другу спокойной ночи.

Ночь, действительно, спокойной не была. Наутро, встретив её в вестибюле, я кинулся к ней, чтобы поприветствовать со всей международной солидарностью, но она резко отвернулась от меня, показав всем своим видом, что мы не знакомы.

В недоумении и надеясь на сочувствие, я обратился к подошедшей ко мне сопровождающей нас переводчице:

— Странные женщины эти француженки!.. Вчера весь вечер любезничала со мною, а утром делает вид, что мы не знакомы. Мы даже адресами обменялись...

— А где её адрес? — улыбаясь, как будто уже разгадала тайну наших странных отношений, спросила переводчица Люба.

— Где-то здесь... Я его ещё не смотрел, — сказал я, “отрывая от сердца” заветный листок, который я так и не удосужился прочитать.

Аккуратно я развернул страничку, на которой красивым женским почерком было выведено: “*Mon cher ami! Je t’attends dans la chambre numéro 206. N°*”. Не нужно было знать французский язык, чтобы понять, что это означало: “Мой милый друг! Жду тебя в 206-м номере”.

На лбу у меня выступил холодный пот: это я вспомнил, с каким усердием выводил вчера вечером: “СССР. Челябинск...”

Вот такая Чернуха! Это вам не котлета в правой руке...

ОНДАТРА

Случилось так, что какое-то время я работал в конструкторском бюро. Коллектив был небольшим: несколько мужчин и женщин. Каждый понедельник, особенно после праздников, несмотря на то, что каждый был сосредоточен на своём рабочем задании, деловая тишина прерывалась весёлыми рассказами (особенно говорить любили женщины) о том, как прошли выходные дни. Я, не нарушая их традиции, “вклинился” со своим рассказом о том, как ездил на открытие весенней охоты. Как я впервые увидел вылезшее из воды мерзкое желтозубое чудовище — водяную крысу ондатру, с каким остервенением она корябала своими острыми клыками ствол моего ружья, которым я пытался пошевелить её... Вдруг одной из женщин стало плохо. Неужели у неё так разыгралось воображение? Придя в себя, не без хлопот коллег, она пояснила:

— Мой муж — тоже охотник. Двадцать лет он зовёт меня ондатрой. И я думала, что это имя ласкательное...

РОДНИК

У каждого человека есть свой “остров” — свой родник, свой ручей, своя гора или даже просто знаковое дерево, — с которым он сроднился в детстве и который остаётся в памяти навсегда.

Этот островок движется в нашем сознании параллельно событиям нашей жизни. Что бы с нами ни случилось, он всегда готов прийти на помощь: напоить чистой водой, открыть новые синие горизонты или упрятать в тень от изнурительной жары... Это защитная реакция организма на нашу исполосованную стрессами взрослую жизнь.

Для меня таким оазисом всегда была и остаётся Александровская сопка, расположенная в окрестностях города Златоуста, на камнях которой прошла значительная часть моего бродячего детства. Именно с высоты её скал я впервые осознал бесконечность нашего бытия: чем выше поднимаешься, тем тебе всё больше и больше открывается новых хребтов, невидимых ранее, и нет им ни конца, ни края...

После Кемеровского совещания молодых писателей, чтобы осмыслить написанное ранее и попытаться найти что-то новое, я приехал в город Златоуст и ушёл с неподъёмным рюкзаком на Александровскую сопку, где более месяца прожил в палатке на небольшой поляне, окружённой глыбами камней, покрытых цветными лишайниками. Под одним из камней бил родник, из которого вытекал говорливый ручеёк, теряющийся в корнях большого куста дикой смородины.

Запах чая, заваренного из листьев этого куста, уходил в низину, смешиваясь с непроглядным туманом. Через сорок пять лет я отыскал этот куст, который ушёл вглубь леса от высохшего родника. Смородиновый чай, приправленный зверобоем и мятой, возвращал меня в годы моей творческой юности...

Здесь, в палатке, под пересвист рябчиков и дроздов, под клёкот тетеревов я впервые почувствовал, что вся красота мира может поместиться на Sizом крыле сойки, и ты её обязательно увидишь, если по-настоящемулюбишь всрастившую тебя землю. И такая любовь дана каждому, кто хоть единожды пил воду из этого родника у Александровской сопки.

Помню, как первую ночь я спал в обнимку с ружьём со взведёнными курками. Медведей и рысей в те годы здесь было гораздо больше, чем людей. Поскольку никто меня не потревожил, во вторую ночь ружьё лежало уже в стороне, а вскоре я о нём забыл и вовсе. В конце концов, другие обитатели этих

скал и урочищ пьют ту же воду, что и я, и питаются тем же подножным кормом... Они же бродят без ружей, а почему я должен быть вооружён? Это нечестно! Единственное, что меня отличало от них, это палатка, костёр и стихи, а земля и небо — одни и те же.

Бездумно бродя кругами по одному и тому же месту, наслаждаясь солнцем, простреливающим лучами густую листву, я вытоптал узкую тропу, которая после каждого дождя казалась бархатной, а на тёмно-коричневой её полосе чётко отпечатывались мои следы. Эта прогулка занимала минут пять. После каждого дождя я считал должным оставить на тропе свои следы, напевая навязшие на языке слова: “На пыльных тропинках далёких планет // останутся наши следы...”

Однажды, делая второй круг, я увидел рядом с моими следами следы рыси. Она шла след в след за мною и, судя по отпечаткам, была немаленькой... Тут я вспомнил о ружье. Но бежать за ним было поздно. Рысь шла сзади по моим следам, и любое моё резкое движение могло спровоцировать её на прыжок... Двигаясь с той же скоростью, я боковым зрением искал подходящий сук или камень, чтобы встретить своего оппонента не с пустыми руками. Опыт общения с этой кошкой у меня уже был, о чём до сих пор свидетельствует оставленный на моём лбу её автограф. Я плавно подошёл к подходящей для обороны коряге и, подняв её, повернулся навстречу судьбе. Рысь, очевидно прочитав мои мысли, резко свернула с тропы и скрылась в зарослях... Я решил, что больше не выйду на тропу без ружья на плече. Нечестно? Да! Зато не страшно!

Ночью грянула гроза. В прямом смысле. Мимо палатки неслись реки воды, готовые увлечь меня с собой. Но вода — это полбеды. Я оказался в центре грозы. Слепящий, как от сварки, свет висел по несколько минут. Когда он на мгновение угасал, я видел, как вопреки логике горели тонкие небольшие деревца, в то время как высоченные сосны и ели только прогибались от ветра. Молния их шадила. До этого повидавший немало гроз, я их представлял совсем по-иному. Если есть ад на земле, то я в нём побывал.

Наутро солнце быстро загладило следы разгулявшейся стихии. Снова запели птицы, застрекотали кузнечики, а у меня ещё тряслись зубы от холода. Всё моё имущество и одежда были насквозь мокрыми.

Я зачерпнул котелком воды из родника и, добыв огонь старым дедовским способом, высекая искры из кварца, запалил костёр.

Чай, заваренный из смородины, зверобоя и мяты, тут же вернул меня к жизни, которая уже мне казалась раем на земле...

Но пора было возвращаться в город, где грозой был сорван асфальт с центральных улиц, а по заводу имени Ленина люди переплывали из цеха в цех на лодках.

Но это такая мелочь по сравнению с парящими на солнце скалами, моей аспидной тропой, уходящей в дебри, и котелком горячего смородинового чая.

Теперь, когда я думаю о моих друзьях, навсегда покинувших наше Отечество, я их за это не виню. Просто они не пили воду из родника у Александровской сопки.

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ

Автор романа “Тихий гром” (не путать с “Тихим Доном”!) Пётр Михайлович Смычагин отмечал свой юбилей. От писательской организации, помимо поздравительного адреса, обычно вручался какой-нибудь памятный подарок. На Южном Урале, славившемся каслинским литьём и златоустовской гравюрой, с поиском подарков проблемы не было. Кстати, Людмила Константиновна Татьяначева как-то сказала мне:

— Это счастье, что мы живём на Урале. Что бы мы дарили своим коллегам, если бы у нас не было литья и гравюр?

Я попросил Марка Соломоновича Гроссмана, который был секретарём партийной ячейки писательской организации, купить в магазине знаменитого “Коня с попоной” Клодта, чтобы вручить его на юбилейном вечере Петру Смычагину.

Марк Соломонович взял деньги и через некоторое время водрузил мне на стол тяжёлого коня, аккуратно упакованного в серую толстую бумагу, перевязанную алой ленточкой.

На вечере я произнёс положенную в таких случаях речь и вручил юбиляру наш подарок.

На следующее утро Пётр Михайлович явился на работу в Союз писателей (он работал тогда литературным консультантом) вместе с этим чугунным конём.

— Ты что мне подарил?

— Как что? Коня! Ты же любишь литьё!

— Я понимаю, что это конь, но посмотри, что здесь написано!

Он развернул ко мне вздыбленного красавца, на аспидной подставке которого я прочитал: “Марку Гроссману от советской милиции!”

Как говорится, без комментариев!

ТАНЕЦ БЕЗ САБЕЛЬ

На Дальнем Востоке жил замечательный поэт Алексей Поротов. Он носил православные, точнее, славянские имя и фамилию, хотя по национальности принадлежал к малочисленному (менее тысячи человек) племени, сохранившему свой язык и культуру. Я знал, что он пишет стихи и пьесы. Что касается стихов, то я с ними был знаком по его книжке, изданной в Москве. Особенно помнились два стихотворения: “ПИСЬМО БРАТУ В ЛЕНИНГРАД” (там брат Алексея учился в Университете народов Севера), где он описывает посланные брату подарки, и “ОТВЕТ БРАТА”. Брат благодарил Алексея за рыбу, за мясо, за тёплую одежду, а вот ружьё “...зря прислал, // На охоте в зоопарке сторож отобрал!”

Прекрасные по наивности и юмору строки...

И вот мы с ним встретились на семинаре драматургов в подмосковной Рузе. По результатам таких семинаров (а нужно было в течение месяца написать или довести до ума новую пьесу) заключались договоры с представителем министерства культуры, что обеспечивало писателям на какое-то время безбедную жизнь. Все трудились, как “рабы на каменоломне”, а Алексей, по крайней мере, так всем нам казалось, вёл беспечную жизнь — больше времени проводя в баре, а не за рабочим столом. Оставалось дня два до заключения договоров, но текст пьесы Алексей так и не представил. Он был в моей группе, и я в какой-то степени был ответствен за его работу. В конце концов, я позвал его к себе и довольно жёстко спросил:

— Где пьеса? Я же должен успеть её прочитать, чтобы предложить министерству.

— Начальник! — сказал он не без иронии. — Пьеса готова!

— Где она? — недоумевал я.

— А вот... — и он начал ритуальный танец, изображая то тюленя, то рыбу, то медведя, то каких-то неведомых мне птиц и зверей. При этом он на моих глазах преображался в своих “героев”, подражая гортанным голосом их космическому, непонятному для меня языку. Сначала я подумал, что он так изощрённо издевается надо мною, но он был совершенно серьёзен. Действо это производило на меня необычное художественное впечатление, но я думал, как это “произведение” представить в министерство: его не передать в руки, не переслать по почте...

— Ну как? — тяжело дыша, спросил он.

Танец отнял у него много сил, хотя был он человеком не хилым...

— Гениально! — ответил я. (Видит Бог, до сих пор не знаю, с юмором или всерьёз сказал я это).

Он ушёл довольный, оставив меня в раздумьях о столь необычном представлении.

Прошло четверть века. С делегацией писателей я прилетел в Якутию на дни литературы. Мы разбились на группы и разлетелись во все концы рес-

публики. Меня пригласили в небольшое селение ЧЕДЫРДИМ, что переводилось как МЕСТО ВСТРЕЧИ. После нашего выступления мы с писателями приняли участие в национальных играх: ловили арканами оленей, состязались в меткости, стреляя из луков и мелкокалиберных винтовок. На прощальном ужине я вдруг вспомнил Алексея Поротова. Оказалось, что это его родовое место. Поэта уже не было в живых, но здесь его хорошо знали и помнили. Было довольно шумно и весело, и я решил рассказать о “гениальной” пьесе моего давнего знакомца. Только я начал, как около меня вдруг поднимается почтенных лет старик и говорит:

— Да, это действительно гениальная пьеса!

Он вышел на середину низкой, но довольно просторной избы и начал танцевать, точь-в-точь повторяя те движения и звуки, которые когда-то продемонстрировал мне сам Алексей. Я хотел пошутить, а дело-то оказалось серьёзным.

“Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...” Только ли слово?

“КОЛОКОЛЬЧИКИ МОИ, ЦВЕТИКИ СТЕПНЫЕ...”

Самолётом компании “Алросса” мы летели в Якутию. Мы — это писатели из разных краёв России. К Якутии (путешествие было не первым) у нас было особое отношение, так как здесь ещё сохранялось в народе чувство востребованности встреч с пишущим человеком, как в советские времена (уже давние). Пленум должен был состояться в Якутске неделей позже, потому хозяева знакомили нас со своей удивительной необъятной страной (хотел написать, землёй, но вокруг был снег да лёд, да карликовые деревья), перенося на серебряной птице, ставшей почти родным домом, из одного посёлка в другой. Между ними могла уместиться не одна европейская страна.

Затаив дыхание, мы смотрели, как по спирали дорог алмазных карьеров ползли крохотные, похожие на спичечные коробки самосвалы. Не верилось, что каждое колесо такой машины намного выше человеческого роста! Удивлялись чистоте красавицы Лены, вобравшей в себя десятки тысяч притоков и до устья сохранившей кристальную воду, которую без опаски можно пить в двадцать первом веке. Другой великой реки, с такой же идеально чисто водой, я думаю, в мире не найти.

А народ, сохранивший прародительские традиции гостеприимства, способный по-детски воспринимать не только красоту суровой и прекрасной природы, но и красоту поэтического слова, несмотря на психические атаки нашего нелёгкого бытия!

Развившись на небольшие бригады, мы “растекались” по поселковым библиотекам и школам. Уже не было в живых моих якутских друзей-писателей Алексея Габышева, Ивана Гоголева, Алексея Поротова, но их книги и портреты были для меня некоторым утешением.

Нашу “команду” возглавил писатель Сергей Артамонович Лыкошин, человек талантливый, очень искренний, не терпящий никаких поверхностных знаний, будь то издательское дело или сама литература. Всё, за что брался, он делал серьёзно и основательно.

В одной из школ, представляя нашу группу ученикам, он не торопясь представил Сергея Ивановича Котьяло и Александра Юрьевича Сегеня. Это было нетрудно. Они — писатели, прозаики. Со мною оказалось сложнее... Как представить поэта-драматурга и объяснить детям, чем он занимается? Они и о театре-то знают только понаслышке.

Сергей Артамонович начал издаека:

— Дети! Вы все знаете стихотворение “Колокольчики мои, цветики степные”?..

— Да! — недружно ответили несколько голосов.

— Так вот. Это стихотворение написал Алексей Константинович Толстой. Но он ещё писал и пьесы стихами, как Константин Васильевич Скворцов. Вот он перед вами...

Сергей Артамонович подробно рассказал о моём творчестве, потому я, не “растекаясь по древу”, начал читать стихи...

Встреча оказалось на редкость тёплой. Мы были довольны юными читателями, они, похоже, нами.

Завершая встречу, Сергей Артамонович, как истинный педагог, для закрепления материала спросил детей:

— Так кто написал “Колокольчики мои, цветики степные”?

— Скворцо-о-ов! — дружно ответил весь класс.

“ОРЛЫ” РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Группа писателей по приглашению Олжаса Сулейменова прилетела в Казахстан для встречи с читателями.

В большом зале собрались любители поэтического слова, люди, хорошо знакомые с русской современной поэзией. Тиражи наших книг, выходявших в то время, достигали самых окраинных городов.

Открывая встречу, главный редактор казахского литературного журнала Мухтар Шаханов торжественно провозгласил:

— К нам приехали орлы русской поэзии: Владимир Соколов, Константин Скворцов, Валентин Сорокин, Юрий Воронов!..

Зал взорвался от смеха. Мухтар не понял, в чём дело. Что ни сокол, ни скворец, ни сорока, ни ворон на орлов не очень похожи, он сообразил не сразу.

Удивительно, что в этой поездке оказались поэты только с “птичьими” фамилиями. Сергея Орлова среди нас не было. Он бы, действительно, мог сойти за “орла русской поэзии”!

УВИДЕТЬ МОСКВУ И УМЕРЕТЬ!

Дача, на которой я живу в Переделкине, строилась на две писательских семьи. Моим соседом был замечательный человек и писатель, русский дворянин, помнящий ещё последнего русского императора (отец водил его ребёнком в Зимний дворец), Олег Васильевич Волков. Как потомственному дворянину, ему суждено было “погрузиться во тьму” сталинских репрессий, пройти их по полной программе и выйти на свет Божий не озлобленным, не потерявшим чувство собственного достоинства человеком. Однажды он подозвал меня:

— Подержите дипломат, что-то ключ в двери заело...

Без напряжения, на вытянутой руке, он протянул мне свою ношу. От неожиданной тяжести я чуть не уронил дипломат себе на ноги. Провернув ключ, он, не заходя в дом, взял тяжёлый лом и принялся обивать лёд у подмёрзшего порога.

— Константин Васильевич! Всё хочу спросить вас. Вот намерены так же чистил лёд, и вдруг у меня участился пульс и прихватило сердце. Вы не знаете, что это? Может быть, возраст, а?

Что я мог ответить? Ему было уже за девяносто. Сказать возраст — значит, обидеть немолодого человека.

— Олег Васильевич! — нашёлся я. — Вы знаете, я два раза ломом махну, у меня вообще сердце вылетает!

— Правда? — удивился он. — Тогда, значит, ещё ничего...

Я, очищая наш участок от гибнущих, но успевших вырасти до небес высушающих берёз, рубил топором твёрдую, как слоновая кость, древесину. Подошёл Олег Васильевич:

— Начальник паёк вам сегодня не даст! — с юмором замечает он.

— Это почему же?

— Слишком высокий пенёк оставляете.

Он-то знал все тонкости лесоповала!

Новый год Олег Васильевич и Маргарита Сергеевна обычно встречали в городе. Не знаю, по какой причине. Едва ли они сторонились моих шумных гостей. Но тем не менее в новогодние праздники их никогда не было на даче.

В тот год я, как обычно, сделал “пионерский” костёр. Мы выпили шампанское под бой курантов, и вскоре гости разошлись по домам. Кто-то остался ночевать у нас.

Часа в три утра меня разбудил тревожный голос жены:

— У Волкова кто-то ходит!

— Спи! Никого там быть не может!

— Но я отчётливо слышу там шаги. Я же лежу на полу!

Ей, сердобольной, пришлось уступить свою кровать кому-то из наших гостей. Я раздетый выскочил на улицу. Увидев свет в кабинете Олега Васильевича, я рванул дверь, она была закрыта. Секунду поразмыслив, я решил, что воры никуда не денутся, пока я одеваюсь и беру ружьё. Накануне я прочитал в одной из криминалистических газет, что если у вора неожиданно хлопнуть над ухом в ладоши, то в девяноста из ста случаев у них случается инфаркт.

— А если из ружья?.. — мелькнула у меня мысль.

Зарядив оба ствола, я подкрался к открытой форточке и выстрелил в воздух. Гром выстрела прокатился по всему притихшему посёлку. В кабинете погас свет, раздался какой-то стук, и всё стихло. Несколько минут я молча стоял у окна в надежде услышать там какие-нибудь признаки жизни — всё было напрасным.

— Ну что? — встретила меня перепуганная жена.

— Операция окончена. Утром пойдём собирать трупы, — отрапортовал я.

Наутро я снова подошёл к двери Олега Васильевича. Она была заперта, но от крыльца тянулись человеческие следы, хорошо различимые на свежесвыпавшем снегу. Не нужно быть охотником, чтобы догадаться, что это были два человека: один след от обуви большого размера, второй — поменьше. След почему-то вёл не к воротам, а к забору, под которым был замечен подкоп. Кто-то покинул нашу дачу таким странным образом, ведь калитка была всегда открыта.

Через несколько дней появились Волковы. Я кинулся им навстречу.

— Олег Васильевич! Здесь такое было... — начал я.

— Знаем. Всё знаем! — спокойно отреагировала Маргарита Сергеевна.

— Да нет, вы не можете знать... — настаивал я.

— Знаем, — продолжила она и поведала мне “печальную” повесть, слушая которую я не знал, плакать мне или смеяться.

У Булата Окуджавы были гости. Их было много, и не всех хозяева смогли устроить на ночлег. У Булата был ключ от дачи Олега Васильевича, и он привёл пожилую немецкую пару на нашу дачу. Пожелав им доброй ночи, вернулся к себе.

Немцы рассказывали, что ночью на них было нападение и они до утра пролежали под кроватью в ожидании самого худшего. На рассвете выбрались на воздух и, оставшись незамеченными, подкопали снег под забором и оказались на свободе!..

Эта новогодняя ночь стала самой незабываемой в их жизни. Называется, съездили в Россию, отдохнули...

УБРАТЬ СВИДЕТЕЛЕЙ

Из всех обитателей Переделкина вороны (не считая некоторых писателей) — самые умные и самые зловредные существа. Я видел, как ворона разворачивала пакет с сыром, придерживая его одной лапой, а другой чётко, перекрёстным движением раскрывала его “на все четыре стороны”, как будто знала систему упаковки. Кто-то видел, как ворона бросала на дорогу орехи и наблюдала с фонарного столба, когда их раздавит машина, после чего приступала к трапезе. Но у меня с ними был свой счёт. Одна из этих особ

после того, как моя жена прикрикнула на неё: “Ты чего здесь раскаркалась!” — умудрилась выследить её в километре от нашей дачи и прицельно, с достаточной высоты, сбросить на её шляпу свою биологическую “бомбу”. Другая расклевала в гнезде неоперившихся птенцов соек, свивших своё гнездо на моём балконе, — зрелище не для слабонервных. Третья, спикировав, сбита с головы маленького ребёнка беретку и пыталась вырвать клоч шерсти из моего старого пса — этого я простить уже никак не мог. Нужно было предпринимать кардинальные меры. Ружьё с собою я, естественно, не носил, чем вороны искусно пользовались. Каркая с сосен, они нагло вызывали меня на поединок. Вороны подолгу “издевались” надо мною, но как только у меня мелькала мысль: “Ну, погоди, сейчас возьму ружьё!” — они тут же срывались с ветвей и исчезали. Птицы считывали мои мысли. Конечно, я бы мог их подкараулить, но “лежачих не бьют”, а сидящих — тем более. Это нечестно. Я мог стрелять только в пролетающих птиц, но они не появлялись в небе на расстоянии выстрела.

Как-то у нас были гости, и я рассказал им о нашествии ворон.

— От них можно избавиться очень легко, — заявила одна из гостей, — нужно убитую ворону привязать к высокому шесту, тогда её соплеменники будут за километр облетать это место.

Оставалось только добыть ворону.

— Хорошо, — сказал я гостям, — если увидите пролетающих ворон, зовите меня!

Был поздний вечер. Все легли спать. А наутро, когда я ещё был в постели, а гости уже на улице, меня разбудил крик:

— Костя! Вороны!

Полуголый я выскочил на крыльцо, выстрелил и, не дожидаясь результата, скрылся в доме. Нужно было привести себя в порядок. Вороний вальт стих минут через пять. Стало тихо, как на кладбище. Когда я вышел, в стороне на шесте висела привязанная ворона, напоминающая уже чучело, а не мою жертву. Гости, а их, как всегда, было немало, удивлялись точности моего выстрела.

— Ну, а если бы ты промазал? — почему-то это интересовало всех.

— Да не мог я промахнуться! Какая ворона и какой разброс дробы! Промазать просто нельзя!

— Ну, а всё-таки? — не унималась гостья, предложившая привязать ворону.

— Я бы убрал свидетелей! — сказал я уверенно, как о деле решённом.

Гости умолкли. Видно, что каждый задумался о чём-то своём...

— Это правильно! — в тишине раздался голос моей жены.

Теперь гости испугались всерьёз. Они долго пытались шутить, отгоняя невесёлую мысль: а вдруг, правда, репутация охотника дороже жизни друзей?

С НОВЫМ ГОДОМ!

Тридцать первое декабря. Предновогодняя суета. Я вышел на крыльцо дачи с гирляндой электрических лампочек. Хотелось до прихода гостей нарядить живую, посаженную мною несколько лет назад ёлку. У забора я увидел двух местных мужичков, подрабатывающих в переделкинской конторе то электриками, то водопроводчиками, то ещё кем-то — кто куда позовёт. Не обращая на меня никого внимания, они собрались рубить мою ёлку. Предвкушая халявный заработок, они с самозабвением расчищали снег вокруг своей жертвы, дабы срубить мою красавицу “под самый корешок”. Над ними нависала богатырская длань вековой ели, удерживающая на себе огромный сугроб. Казалось, что эта немолодая ель, как заботливая мать, прикрывает своё чадо от летящего с неба тяжёлого снега.

— Мужики! Вы что делаете? Остановитесь! — кричал я.

В ответ — ноль эмоций.

— Мужики! — не унимался я. — Вы что, не могли до леса дойти?

В ответ — молчание.

— Мужики! Имейте в виду, я вас предупредил!

Никто из них даже не посмотрел в мою сторону. Я быстро вынес ружьё (в те лихие девяностые оно всегда было под рукой) и, прицелившись в нависшую над ними гигантскую ветку, выстрелил из двух стволов! Ветка переломилась, обрушив на браконьеров весь свой двухмесячный запас слежавшегося снега...

Когда белое облако рассеялось, я увидел брошенный топор, один валенок и огромную дыру в своём древнем заборе. Стало тихо, как на похоронах.

Прошло полгода, я забыл про эту историю. Жена пошла в контору, чтобы оплатить счета за аренду дачи. Около неё крутились два мужичка, явно пытающиеся с ней заговорить, но всё как-то не решались.

— Вы что-то хотите спросить? — проявила инициативу жена.

— Да, вы знаете, ваш муж — такой жестокий человек, — начал один.

— Он в людей из ружья стреляет, — подхватил второй.

— Да вы что? — искренне удивилась жена. — Он поэт. Он стихи пишет. Разве он может быть жестоким?

— Нет, нет, — не унимались они теперь оба, — он в нас стрелял!

— Это не он, — твёрдо заявила моя жена, — это, наверное, его брат. Они очень похожи друг на друга. Оба лысоватые...

— Да нет. Это был ваш муж! — перебили они её.

— Нет. Это не мог быть он! — жена стояла на своём.

— Но почему вы так уверены, что это был не он? — уже с сомнением спросили они.

И тут моя жена выдала фразу, которая их надолго отрезвила:

— Да он никогда не промахивается!

БОЙ

Брошенных бездомных собак всегда жалко. Когда они умоляюще смотрят тебе в глаза, это испытание может выдержать не каждый. Тот, кто говорит, что у собак только инстинкты и нет разума, у того у самого с головой не всё в порядке.

Когда подолгу живёшь в тайге и, кроме собаки, рядом нет живой души, привываешь к ней, как к настоящему помощнику. “Принеси”, “Отнеси”, “Подними”, “Сбегай, посмотри — нет ли там кого?” — на всё она отзывается с радостью, и ты уже забываешь, что это не человек!

А бездомная жизнь собак ещё более обостряет их разум. Среди волков выжить легче, чем среди людей: волки все серые, а люди слишком разные. Но речь не о людях.

Моего охотничьего друга звали Боем. Я любил его за смелость и смекалку. Поэт Виктор Фёдорович Боков написал о нём:

*Мне нравится собака Бой,
Мне кажется, что он имеет разум!*

А поводом к появлению этих стихов послужил забавный случай.

Ко мне на дачу приехала дочь с молодой шестимесячной кавказской овчаркой Бураном.

Шесть месяцев для собак — самый озорной возраст. Буран носился по участку, вырывая с корнем молодые саженцы, обладывая молодые ели. Но больше всего его интересовал веник, который он трепал, мотая головой, с непреходящим удовольствием. “Щепки” от веника летели в разные стороны.

— Бой! — сказал я своему псу. — В доме непорядок!

Бой подбежал к Бурану в надежде отобрать у него закатый в пасти веник. Началось “перетягивание каната”. Бой проигрывал, так как весовые категории соперников были неравными. Буран “возил” его, держащегося зубами за веник, по асфальту. Наконец, Бой, поняв, что таким образом ему не удастся отобрать у озорника веник, оставил это занятие и побежал в кусты. Буран, не выпуская из пасти веник, ждал его возвращения. Пёс вернулся из кустов с палкой в зубах, подбежал к Бурану и, “поиграв” своей находкой пе-

ред его мордой, отбросил палку в сторону. Буран, забыв о венике, бросился за палкой, а Бой, подняв веник, принёс его мне. Разве такой хитрый трюк возможен на уровне инстинкта? Виктор Боков после этой сцены не мог не написать: “Мне, кажется, что он имеет разум...”

В подтверждение этого — маленькая история, которая выглядит нереальной.

Бой повредил лапу. Рана долго не заживала. Это кто-то для своего утешения придумал, что скоро заживёт, “как на собаке”. Я повёз его на машине на другой конец Москвы к знакомому ветеринару. Тот сделал ему операцию, и пёс поправился, действительно, прямо на глазах! А через пару месяцев он исчез. Собака заблудиться не может. Её либо кто-то насильно увёз, либо, не дай Бог, сбило машиной. Все поиски мои были напрасны...

И вдруг звонит мне тот собачий доктор:

— У тебя пропал Бой?

— Да. Откуда знаешь?

— Он у меня! Представляешь, слышу: кто-то скребётся под дверь. Я открыл и вижу: стоит твой Бой, а рядом с ним бедная дворняжка с переломанной лапой. Я наложил шину. Приезжай, забирай обоих.

Так что собака не только друг человека. Собака собаке тоже друг!

ВИШНЁВЫЕ ГЛАЗА ОЛЕНЯ

К нашему счастью, книг теперь не читают. Поэтому нет опаски быть осмистанным своими читателями. К тому ж, не всё достойно печати: есть вещи, в которых людям не стоит признаваться даже самим себе. Казалось, уж чего-чего, а повадки зверей я знаю: вырос в тайге, ружьё мне подарили в шесть лет. После войны никому и в голову не приходило устанавливать возраст “человека с ружьём”. Никаких охотничьих билетов и лицензий тогда не было. Свою первую добычу — убитую тетёрку — я принёс домой, когда учился в первых классах, и хорошо помню, как отец сказал матери:

— Вот вырос тебе ещё один кормилец!

После этого я чувствовал себя взрослым человеком и профессиональным охотником, хотя учился промыслу у людей чужих: отец был только рыбаком и, надо сказать, отменным. Ловить хариусов летом, когда они каждый день капризно меняют свой рацион, — то кузнечик, то опарыш, то овод, то комнатные мухи, то навозные черви — дело непростое. Мастерство рыболова заключалось в умении изготовить искусственную приманку “на все случаи жизни”. Отец экспериментировал: то гонялся за каким-нибудь ярким петухом, поскольку ему казалось, что одно из перьев именно этого петуха годится для искусственной мухи, то копался в банке с цветными нитками мулине (единственное богатство моей сестры, которая училась вышивать). Но особенно мне запомнился случай, когда, завидев мою матушку, стоящую у окна, он вдруг неистово закричал:

— Нюра, стой!..

Мама замерла, и отец без тени сомнения отхватил у ничего не понимающей женщины прядь замечательных волос. Очевидно, луч солнца, упавший на волосы, окрасил их тем цветом, за которым отец гонялся, как Иван-дурак за жар-птицей.

В Москву в самом начале “перестройки” приехал молодой финский предприниматель. Западная пресса называла его “человек-возможности”, поэтому мне было поручено руководством Союза писателей убедить его подписать с нами договор о создании совместного советско-финского полиграфического предприятия. Выбор пал на меня потому, что было известно: финн — профессиональный охотник. А где ещё человек более склонен к обсуждению самых фантастических проектов, как не на охоте или рыбалке. Дело было государственным, и решения принимались на самом высоком уровне, потому мы оказались в Завидове, в недоступном для простых смертных охотничьем хозяйстве. Задача усложнялась тем, что, как выяснилось, финн не берёт в рот спиртного. “Или это не финн, или что-то не так”, — решил я.

На стойке бара, где мы ужинали, стояли элитные грузинские вина: “Ахашени”, “Киндзмараули”... Общались мы на немецком языке, поскольку знали его одинаково плохо. Когда я рассказал Питеру (так звали финна), что это — любимые вина Сталина, глаза его загорелись. После этого психологический барьер был без труда преодолен!

В бане он был удивлен тем, что стены парной нестерпимо горячие.

— Сто градусов! Как же им не нагреться? — пытался объяснить ему я тонкости банного дела.

— У нас, в Финляндии, тоже сто, но стены не обжигают. Их делают из африканского дерева, — сказал он и, кажется, назвал даже породу...

“Да, — подумал я, — “два мира — два детства”!..”

Но ближе к охоте. На следующий день, пообедав и получив инструктаж, где и как стрелять, мы отправились к вышкам. Егерь определил нам самые удачливые места. Нам оставалось только дожидаться, когда звери, кабаны или олени, придут кормиться. А там — дело в охотнике. Это, конечно, более напоминало тир, а не охоту, но всё же...

Я сидел на вышке не шелохнувшись, прислушиваясь к каждому лесному шороху. Тишина была необычайная. Тяжёлые деревья, придавленные инеем, напоминали огромное стадо белых слонов... Но я терпеливо ждал секача.

Вдруг слева от меня раздался свист. Так свистят обычно пацаны, затолкав два пальца в рот. Я решил, что, возможно, это егерь идёт ко мне и даёт о себе знать, чтобы я не принял его за какого-нибудь зверя. Я снял перчатки и, вспомнив своё детство, ответил тем же свистом. Похоже, что несколько перестарался: с некоторых деревьев посыпался иней. Но через минуту егерь (а я был уверен, что это он) мне ответил, но где-то уже совсем близко.

Я свистнул снова. Он ответил. Я ещё, и он тоже. Понимая, что он возле меня, я высунулся из своей амбразуры и увидел стоящего передо мною огромного оленя с метровыми рогами. Олень растерянно косил на меня большим вишнёвым глазом... О ружье я, конечно, забыл.

— Пошёл отсюда! — крикнул я. Это всё, на что я был способен...

Олень как будто ждал моей команды. Развернувшись в невероятном прыжке, он буквально полетел над сугробами, осыпая с деревьев серебряную вьюгу.

Вечером егерь восхищался моим охотничьим опытом, ведь ни один охотник за многие годы не мог подманить этого оленя на расстояние выстрела, а тут он подошёл почти на расстояние вытянутой руки. Питер с восхищением смотрел на меня, он тоже не стал стрелять в кабана, подставившего под выстрел свой бок.

— Это было бы не спортивно! — сказал он и всё поражался моему мастерству подманивать оленей. Он готов был подписать любые государственные бумаги, а не только договор о полиграфическом комбинате, ради которого и состоялась эта охота. Если бы егерь и он знали, что всё моё “мастерство” — это постыдное для охотника незнание зова оленей, они бы презирали меня всю оставшуюся жизнь. А егерь, чуть не плача, благодарил меня за то, что я не выстрелил в оленя. Олень был племенным, и его потеря для охотхозяйства была бы невосполнимой.

Я никому не рассказывал об этой истории, дабы сохранить своё охотничье реноме. Написал это для себя и уверен, что моё реноме останется непоколебимым, поскольку, к моему охотничьему счастью, книг теперь не читают.

ЗАЛИВНЫЕ ЛУГА

В этих словах есть какая-то магия... А когда поля эти простираются чуть ли не до самого горизонта, отражая весь небесный свод, то человеку, бредущему по пояс в воде по этому зеркальному дугу, кажется, что он находится внутри огромного воздушного шара, летящего в мироздании.

Утки гнёзд здесь не выют, они приводят уже повзрослевших утят, появившихся на свет в более надёжном, укрытом месте. Зато здесь, в полной безопасности от охотников, они могут спокойно плавать и кормиться скрытыми

под водою богатствами затопленного разнотравья. Это рай для водоплавающей дичи!..

В редких торчащих над водой кустиках стрелкам не спрятаться, но они тоже не лыком шиты, строят скрадки, втыкая в дно водоёма ивовые ветки, которые, быстро разрастаясь, образуют надёжные укрытия для охоты.

Заметив впереди себя такой скрадок, я решил дожидаться в нём вечерней зари, когда утки полетят кормиться с лугов заливных на пшеничные поля.

Когда до скрадка оставалось метров десять, из него свечою, с недовольным кряканьем, поднялся тяжёлый селезень, облюбовавший это уютное местечко задолго до меня. Мне бы его пожалеть... Но когда у тебя в руках ружьё со взведёнными курками, об этом как-то не думается.

Когда я выстрелил, он был слишком высоко, потому дробь достала его уже на излёте, слегка ранив. Пролетев метров сто, селезень сел на воду и сразу нырнул.

— Пусть живёт! — подумал я, осуждая себя за напрасный выстрел, но всё же смотрел на гладкую поверхность воды... Где-то же он должен вынырнуть!

И тут я увидел едва заметные расширяющиеся полосы волн. Остриё этого “клина” быстро приближалось ко мне, и не успел я опомниться, как прямо передо мною появилась голова ошарашенного неожиданностью этой встречи селезня.

Моя реакция оказалась более быстрой...

Да... Вот вам и магия заливных лугов! Дикие мы ещё... Ой, дикие!..

ВЕРНОСТЬ

Невозможно усидеть дома, когда видишь из окна, как тяжёлые облака ложатся на синие горы, манящие своей таинственностью... Издалека вершины кажутся чужими и суровыми, но стоит ступить на мшистую, чуть заметную тропку, ведущую в неизвестность, как тайга проявляет такое гостеприимство, дарит такой душевный покой, о которых в задымлённой печными трубами долине и мечтать не приходится. А когда ты знаешь, что под свист краснобровых рябчиков в ручьях плещутся хариусы, а пики кедров прогибаются от созревших шишек, в посёлке ты уже не находишь себе места...

По грибы, по ягоды, по шишки... Грибы и ягоды вроде как дело женское, а вот шишки — это серьёзно... Мужик-то не каждому под силу, подняв высоко над головой гигантский двадцатикилограммовый колот, ударять им по стволу дерева и принимать на себя жестокий град осепающих с вершины шишек.

Вооружившись мешками для орехов, прихватив по привычке ружья, мы со старожилом этих мест Степаньчем выдвигаемся на край села. Перемахнув через забор, нас догоняют засидевшиеся во дворе лайки. Такого предательства они никак не ожидали. Смотрят на нас с укором, но и одновременно виновато: мол, простите, что мы без спросу, но вы тоже хороши...

Степаньч попытался было отправить их домой, но они, почуяв его коварный замысел, убежали вперёд и скрылись в тайге. Ладно, у них — свои дела, у нас — свои. Мы идём “по шишки”...

Ощущение времени здесь пропадает, оно растворяется в запахах мха, прогорклой травы и свежей смолы, слезящейся на падающих с неба тяжёлых шишках... Увлечшись нашим промыслом, мы забыли про собак, потому и не сразу расслышали доносившийся издалека их едва различимый лай.

Степаньч замер, прислушиваясь к их голосу.

— Белку нашли! — недовольно пробурчал он. — Придётся идти, а путь-то не ближний. К тому ж там скалы...

Я понимал, что собаки не бросят белку, пока мы к ним не подойдём. Но перспектива карабкаться по склону, ломая ноги, тоже не грела.

— Может, они полают-полают и бросят?..

Степаньч ничего не ответил, но почему-то погрустнел. Едва различимый лай собак то пропадал, то доносился снова.

— Собаки не люди. Они верные. Пойдём!

Взяв ружья, мы побрели по склону. Я пытался развлечь Степаныча разговорами, но он молчал.

— Что с тобой? — не выдержал я.

— Сейчас поймёшь... — наконец выдавил он. — Уже близко...

Мы вышли на небольшое плато. С обеих сторон зияла пропасть. Я старался не смотреть вниз. Высота захватывала дух. Лай собак остался где-то в стороне, о чём я сказал Степанычу.

— Ничего, подождут... Мы — махом...

Вдруг наша тропа упёрлась в голубое небо. Впереди зияла новая бездна. Нужно было по узкому “языку” возвращаться обратно.

— Смотри! — Степаныч показал на белеющие у края обрыва кости.

— Что это? — изморозь пробежала по моему телу.

— А ты приглядиись. Это кости моей любимой собаки и оленя, которого она загнала в эту западню. Лаяя я не слышал, слишком далеко был. Олень собака не выпустила, но и меня не дождалась. Так оба здесь и умерли. Года три уж прошло...

Оставшуюся дорогу я молчал тоже. А что тут скажешь?!

ПЕРВАЯ СТРОКА

Леонид Сергеевич Соболев на совещании молодых писателей в Кемерово посетил семинар, который проводил Василий Дмитриевич Фёдоров. Л. С. Соболев был председателем Правления Союза писателей России. Кстати, благодаря Соболеву этот Союз и появился. Были Союзы писателей всех республик, а российский не было... Но это другая тема...

Так вот, речь зашла о том, как надо начинать произведение. С какого слова, с какой строки... Начались дебаты... И тут мудрый Соболев сказал:

— Первая строка — это ворота, в которые входит читатель.

Просто и понятно... К сожалению, я часто забываю этот урок мастера.

ПОСЛЕДНЯЯ СТРОКА

После войны одежка на нас, прямо скажем, была не от Кардена. Наши мамы шили нам толстовки. Кто-то лучше, кто-то хуже. Кто-то богаче, кто-то беднее...

Но мой друг Вася Ремпель, потомок волжских немцев, всегда выглядел, как мне казалось, довольно богатым. Видимых причин для этого не было. Потом я понял, почему мне казалось, что он так хорошо одет: он всегда чистил ботинки, и они как бы подсвечивали весь его костюм.

Потому и последняя строка любого произведения должна быть “начищенной”, чтобы всё произведение, будь то роман или короткое стихотворение, “подсвечивалось” её светом, придавая творению автора законченность...

РИФМА

Театральный и литературный критик Инна Люциановна Вишневская, которая вела на Высших литературных курсах занятия по теории драматургии, долго не могла привыкнуть к рифмам в моих стихотворных драмах. Вроде бы ничего не раздражает, всё гладко, но рифмы-то “чистыми” не назовёшь! И она их определила как “мерцающие” и была этим “открытием” очень довольна. Не знаю, может, они и вправду мерцающие...

СХОДИЛ В БАНЮ...

Золотой человек, в общем-то, один мой товарищ. Живёт он с матерью, поскольку никто больше его “финты” выдержать не может. И вот в очередной раз, когда мать вызвала полицию и он оказался в знакомой ему до бо-

ли (не в переносном смысле) камере, протрезвев, он очень удивился, увидев рядом с собой знакомого ему начальника одного из предприятий их небольшого городка.

— Ну, я-то здесь понятно как... Но вы-то за что?

Сосед “по несчастью” ответил не сразу, поскольку, действительно, почему он оказался в камере, ответить было не так-то просто.

— Был в бане. Вышел. Выпил кружку пива... — начал он свой рассказ, как будто вспоминал страшный сон. — Иду домой. И вдруг в тёмном переулке на меня налетают трое полицейских:

— Это ты?

— Да, я ... — отвечаю им. — Кто же ещё?

Они меня за шкурку — и в машину. И вот я здесь.

Оказалось, что полицейские ловили преступника, который выскользнул у них из рук и побежал огородами около этого злосчастного переулка.

Когда дело прояснилось, начальника выпустили. Но полицейские никак не могли понять, почему их “преступник” на их вопрос: “Это ты?” — ответил: “Да, я!” — как будто человек мог ответить что-то иное.

Может быть, они знают другой, неведомый нам, простым смертным, ответ на этот однозначный вопрос?

Всё может быть...

ЛИТЕРАТУРНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Спрашиваю трёхлетнего внука:

— Вова, кто написал “Что такое хорошо и что такое плохо”?

Вова уверенно отвечает:

— Маяковский.

— Молодец! — хвалю я его. — А кто такой Маяковский?

Вова задумался и нерешительно, после паузы, отвечает:

— Толстой...

МЯСО В МЯСОРУБКУ!

Давно это было. Соседский мальчик, узнав о том, что я пишу стихи, пришёл ко мне и с порога заявил:

— Дядя Костя, подучи меня писать стихи.

— Почему “подучи”? — удивился я. — Ты что, уже что-то пишешь?

— Да. Я — поэт!

— Да знаешь ли ты, что такое поэзия и что такое стихи? — чуть было не сорвался я, удивившись такой наглости... Я, честно сказать, сам никогда не мог сформулировать эти понятия — сколько знал теоретиков литературы, столько было и определений.

— Знаю! — не смущаясь, ответил молодой “поэт”. — Стихи — это то, что не даёт спать!

Такого, как мне показалось, точного определения я не встречал ни у одного из мудрецов, хотя к тому времени уже окончил Высшие литературные курсы.

— И ты пишешь такие стихи, от которых я не усну?

— Конечно! — не сомневаясь в своей правоте, продолжал мальчик.

— Ну, прочти!

Мне стало уже интересно.

Он встал в позу Пушкина, читающего стихи Державину, и произнёс:

Мясо в мясорубку,

Мясо в мясорубку,

Мясо, в мясорубку — шагом марш!

— Стой! Кто идёт?

— Фарш!

Я обомлел и долго не мог прийти в себя. Но понял, что никогда не буду писать стихов для детей, если они сами пишут вот такие вирши!

Только через несколько лет я узнал, что мальчик меня попросту обманул и прочитал не свои стихи, а детского писателя из Питера Михаила Яснова. Как мальчишка нашёл эти стихи, осталось загадкой. А может, он меня и не обманывал, а был уверен “по правде”, что эти строки сочинил он сам. Такое в детстве случалось не с одним “гением”...

“ЗОЛОТОЕ ЯБЛОКО”

Под Тулой есть пансионат с таким названием. Каждое лето сюда привозят самых талантливых школьников со всей области для общения и отдыха. Меня пригласили выступить перед ними. Я согласился.

Когда я шёл в зал, где было триста “вундеркиндов”, их вожатая говорит:

— Вы не волнуйтесь. Это ненадолго. Они больше пятнадцати минут никого не слушают! Встают и уходят.

Перспективочка, прямо скажем, меня не порадовала...

Я продержался на сцене часа полтора. Редко после встреч у меня остаётся тёплое чувство, но это был тот самый случай!

По окончании ко мне подошла девочка лет восьми-деяти и, сверкая коричневыми глазами, говорит:

— Можно, я вам замечание сделаю?

— Конечно!

— Вы мало прочитали стихов о любви!

Я растерялся:

— А почему ты не попросила меня об этом из зала?

— Да нет! — совершенно серьёзно заявила она. — Всё было замечательно... Это я вам говорю просто так... на будущее!

ХАРАКТЕР

Народный артист России Александр Михайлов рассказывал, как он набирал курс театрального училища. Молодые люди показывали этюды.

— Можно, — вдруг сказала девушка, — я покажу вам берёзку?

— Давайте! — сказал мастер.

Девушка подняла руки и замерла.

— Подул ветер! — добавил мастер.

Девушка-берёзка покачнулась.

— Ветер усилился! — усложнил “предлагаемые обстоятельства” Михайлов.

Девушка наклонилась ещё больше и стала раскачиваться.

— Берёзка сломалась! — не унимался мастер.

Девушка-берёзка продолжала раскачиваться:

— Нас не сломать!

После этой реплики мастер сдался. Девушку зачислили студенткой.